

Список литературы

1. Немзер А. Современный диалог с Гоголем // Новый мир. — 1994. — № 5. (Электронный ресурс) // Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/5/nemzer-pr.html
2. Лотман Ю.М. Карамзин. — СПб.: Искусство-СПБ, 1997. — 832 с.
3. Лотман Ю.М. Пушкин. — СПб.: Искусство-СПБ, 1995. — 847 с.
4. Чавдарова Д. Антимир Гоголя и «читающий человек» // Homo legens в русской литературе XIX века. — Шумен: Аксиос, 1997. — 142 с.
5. Набоков В. Николай Гоголь // Набоков В. Лекции по русской литературе. — М.: Наследие, 1998. — С. 31–136.
6. Karlinski S. The Sexual Labirinth of N. Gogol. — Cambridge, 1976. — P. 118. (Цит. по: Чавдарова Д., 62).

УДК 82

Календарный пасхальный цикл в русской поэзии

На материале поэзии Б. Пастернака и В. Набокова

Флёрко Л.В.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана

Мақалада Б.Пастернак пен В.Набоковтың өлеңдері үлгісінде орыс поэзиясындағы күнтізбелік пасхалды цикл қаралады. Ақындардың шығармашылығында Пасха күнтізбелік символикасына арналған бірқатар өлеңдерін бөліп көрсетуге болады. Пасха күнтізбелік мерекесі күнтізбелік әдеби поэзияда авторлық цикл мен «жинақталмаған» циклды құруға негіз болатын цикл жасаушы фактор болып табылады. Автор тиісті пасхалды туындының негізгі мотивтерін, архетиптерін, пасхалы бейнелер жүйесін, көркем символикасын жеке сипаттап көрсетеді.

The article discusses the calendar Easter cycle in the Russian poetry on the material of poems by Boris Pasternak and Vladimir Nabokov. In the work of poets one can identify a number of poems focused on the symbolism of the Easter calendar. Easter holiday calendar appears to be a cycle-forming factor — the basis for a copyright and «non-assembled» cycles in the calendar of literary poetry. The author points out the basic motives, archetypes, the system of Easter images, details, topoi, color symbolism, relevant to the product of Passover.

Календарная литература — это развившийся с древности и сложившийся к концу XIX в. пласт русской литературы, в которой принято выделять святочные, рождественские, новогодние, крещенские и пасхальные тексты. Календарная проза, особенно святочные рассказы, уже достаточно изучена в современном литературоведении. Календарная литературная поэзия, напротив, ещё не стала предметом подробного исследования. Само понятие календарной лирики известно только обрядовому фольклору, а в литературе этот термин употребляется редко.

Е.Душечкина, которая впервые обратила внимание на разрушение фольклорного текста, приходит к выводу, что «календарная словесность, её природа и жанры, её особенности, обусловленные временем функционирования, изучена далеко не достаточно. Более всего обращала на себя внимание исследователей народная календарная поэзия, иначе называемая «поэзией календарных праздников». Обрядовые песни, которые исполнялись в течение зимних праздников (подблюдные колядки, щедровки), весенние песни (веснянки), сопровождавшие обряд заклинания весны, песни, связанные с обрядностью Ивана Купалы, собраны и изучены глубоко и обстоятельно. Однако календарная словесность далеко не ограничивается поэзией народного календаря. Аграрный (сельскохозяйственный) календарь — лишь один из календарей, которые обычно функционируют в той или иной культуре одновременно и параллельно друг другу» [1; 7].

В основе календарного времени лежит цикличность многих природных явлений, движение по кругу: смена дня и ночи, смена четырёх времён года, двенадцатимесячный годовой цикл. В основе мифологического времени календарного праздника также лежит цикличность: из года в год повторяются праздники, повторяются их традиционные особенности — обряды и приметы. В мифопоэтиче-

ской и религиозной традиции Праздник — это временной отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального. Календарное время предполагает максимальную причастность к сакральной сфере всех участвующих в Празднике и отмечается как некое институционализированное действие.

Композиция праздников, весь их внутренний строй оказали огромное воздействие на формирование идейной структуры календарной литературы, частью которой является пасхальная поэзия, занимающая особое место в календарной литературе. Несомненно, пасхальная поэзия обладает своими самостоятельными сюжетами, мотивами и образами.

По мнению Е.Душечкиной, пасхальные тексты складывались по образцу рождественских: «Пасхальные же тексты явились производным от рождественских. При этом пасхальные рассказы, как правило, разрабатывали те же мотивы, что и рождественские, и не внесли в жанр календарного рассказа ничего существенно нового. Мотив искупительной жертвы, который, казалось бы, должен был стать в них доминирующим, встречается не чаще, чем в рождественских текстах, что свидетельствует о вторичности пасхальных рассказов по отношению к рождественским. Объяснение этого явления, видимо, лежит в том, что рассказов зимнего календарного цикла выросли из традиции фольклорного святочного рассказа, которая, в отличие от пасхальной, была более развитой и широкой» [1; 7].

Другие исследователи выделяют пасхальные тексты как отдельный тип календарной литературы. С.Николаева, которая не согласна с Е.Душечкиной, считает, что пасхальный текст существовал и в фольклоре, и в литературе наряду с рождественским и святочным. «Источники пасхальных текстов иные, так, если святочный произошёл от былички, рождественский — от евангельских легенд, пасхальный своими истоками восходит от апокрифов к житиям и притче» [2; 17].

В.Топоров отмечает, что центральные праздники начинаются в ситуации, «связанной с обостренным и напряженным ожиданием катастрофы мира», «силы хаоса, кажется, одолевают космическую организацию мира». И подобная ситуация, спроецированная на конкретные образы и мотивы, повторяется в календарном произведении.

Праздник Пасхи — Воскресение Христово и категория пасхальности имеют особое значение для русской культуры. Русская литература вырастает, держится на пасхальном мотиве и категории соборности. Русская православная культура, по определению И.Есаулова, «содержит в себе пасхальный вектор, так как основывается на сотериологии, т.е. на идее спасения». Западному же миру ближе Рождество. Западная культура — «рождественская», потому что там акцент делается на устроение земного бытия.

С праздником Пасхи связано множество традиций: обряды Великого Поста, обряды Вербной недели, Страстная Седмица, праздничная пасхальная служба, традиции пасхального воскресенья, обряды пасхальной недели и связанные с послепасхальными днями (Радуница, Красная горка, Троица и т.д.).

К классике пасхальной поэзии, в которой представлены все архетипические сюжеты, мотивы и образы, соответствующие Пасхе, можно отнести евангельские стихи Бориса Пастернака из цикла «Стихотворения Юрия Живаго»: «На Страстной», «Дурные дни», «Магдалина I», «Магдалина II», «Чудо», «Гефсиманский сад» [3]. Стихи из тетради Юрия Живаго пропитаны тоской, болью и ощущением неотвратимого конца. Пересказывая евангельские легенды, пасхальная поэзия Б.Пастернака отталкивается от церковных сюжетов и мотивов, соответствующих празднику христианского календаря — Пасхе.

В стихотворении «Дурные дни» воспроизводятся евангельские события, происходящие в Вербное воскресенье, или, по христианскому календарю, в праздник Входа Господня в Иерусалим:

*Когда на последней неделе
Входил он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за ним... [3; 404].*

Когда Иисус Христос вступил в Иерусалим, люди приветствовали его и кричали: «Осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев. Осанна в вышних!». Вход Господень в Иерусалим, по Евангелиям, знаменует будущее воцарение Христа. В этот день в храмах опять поднимаются ветки вербы и гремит царское приветствие: «Осанна!»

После Вербного воскресенья наступает Страстная неделя, предвещающая праздник Пасхи. Каждый из дней Страстной недели именуется святым и великим и глубоко почитается всеми христианами. В каждый из дней Страстной недели на церковной службе вспоминается определённое евангельское событие, предшествовавшее страданиям и смерти Иисуса Христа.

В Страстной понедельник церковь вспоминает смоковницу, засохшую от того, что она не приносила плодов. После торжественного входа в Иерусалим Иисус шёл со своими учениками и проголодался, рассказывает евангелист Матфей. Увидев при дороге смоковницу, он подошёл к ней, но не нашёл ни единого плода: «*Да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла*» (Мф. 21, 19–20).

Пасхальный символ Страстной недели — смоковница появляется в стихотворении Пастернака «Чудо», в котором поэт пересказывает евангельский сюжет: *Смоковница высылась невдалеке, / Со всем без плодов, только ветки да листья* («Чудо») [3; 402].

Под бесплодной смоковницей христиане подразумевают грешного человека. Такой человек не приносит плодов, т.е. не творит добрых дел, не творит молитвы, покаяния. В интерпретации Б.Пастернака евангельский мотив смерти смоковницы — чудо, равное Богу. Чудо, которое может произойти и в жизни любого человека: перемены в судьбе, новый жизненный путь. Чудо, которое настигает человека, приходит тогда, когда его не ждут, но верят в него так же, как верят в Бога. Этот мотив чуда перерождения (возрождения, пробуждения) является одним из основных в комплексе стихотворений пасхальной поэзии Б.Пастернака:

*Найдись в это время минута свободы
У листьев, ветвей, и корней, и ствола,
Успели б вмешаться законы природы.
Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог.
Когда мы в смятенье, тогда средь разброда
Оно настигает мгновенно, врасплох... [3; 402].*

Вера в чудо, равная вере в Бога, выражается и в празднике Пасхи, когда происходит чудо Воскресения из мёртвых Иисуса Христа. Никогда не поздно вступить на новый путь, переменить судьбу, пойти на свет божественной истины — таков основной мотив любого пасхального жанра. Этот же мотив пронизывает ещё два евангельских стихотворения Пастернака — «Магдалина I» и «Магдалина II».

Церковная служба Страстной среды посвящается воспоминанию о грешнице, помазавшей ноги Христа ароматным маслом. «И вот, женщина того города, которая была грешница, принесла алавастровый сосуд с миром; И, ставши позади у ног Его и плача, начала обмывать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром... Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя; иди с миром» (Лук. 7, 36–50). Важное место в системе пасхальных образов у Б.Пастернака занимает образ Марии Магдалины, которая следовала за Христом, служила ему:

*Обмываю миром из ведёрка
Я стопы пречистые твои.
Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слёз.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волос.
Ноги я твои в подол уперла,
Их слезами облила, Иисус... [3; 406].*

Мария Магдалина присутствовала на Голгофе при кончине Иисуса и была свидетельницей его погребения.

*Брошусь на землю у ног распятыя,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста... [3; 405].*

С образом Марии Магдалины связана христианская легенда — мотив дарения пасхальных яиц на праздник Пасхи.

В четверг на Страстной неделе церковь вспоминает, как Иисус Христос установил Таинство Евхаристии (таинство своей плоти и крови), причастив своих учеников за Тайной Вечерею. О Тайной Ве-

через рассказывают все четыре евангелиста (Мф. 26, 17–28; Мк. 14, 12–24; Лук. 22, 7–20; Ин. 13, 1–30). Кульминация Страстного Четверга — молитва Иисуса в Гефсиманском саду.

Стихотворение Б.Пастернака «Гефсиманский сад» завершает поэтическую тетрадь Юрия Живого, вместе с начальным стихотворением «Гамлет» выстраивает кольцевую композицию и всего романа, и цикла стихотворений. Пасхальный топос — Гефсиманский сад по Евангелию то место, где Иисус Христос провёл последние часы. Это были мгновения его прощания с земной жизнью.

*Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон.
В конце был чей-то сад, надел земельный.
Учеников оставив за стеной,
Он им сказал: «Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со мной» [3; 407].*

На пути избранничества Христа неизбежные страдания и смерть. Как и в стихотворении «Гамлет», в «Гефсиманском саду» предстаёт образ чаши — открытая евангельская реминисценция: «*Да минует меня чаша сия!*». В этом обращении перифраз молитвы Христа в Гефсиманском саду перед тем, как «*возложили руки на Иисуса Христа и взяли его. И отошед немного, пал на Лице Свое, молился и говорил: «Отче Мой! Если возможно, да минует меня чаша сия»* (Мф. 26, 36).

*И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом он молил отца [3; 407].*

Пасхальный мотив моления — это и моление Иисуса Христа о перемене судьбы, о смягчении жизненных ударов, и вечное человеческое обращение к Богу. В Гефсиманском саду Иисус предсказывает и свою скорую смерть, и предательство Иуды:

*Он разбудил их: «Вас Господь сподобил
Жить в дни мои, вы ж разлеглись как пласт.
Час Сына Человеческого пробил.
Он в руки грешников себя предаст [3; 407].*

Пасхальный топос Гефсиманского сада — это метафора безмерности времени и неотвратимости искупления во имя торжества высокой любви Духа.

В стихотворении Б.Пастернака «Гефсиманский сад» евангельский миф трактуется как крестный путь Богочеловека. Для человека следовать Иисусу Христу значит идти избранным путем страданий, обрести Вечность. Здесь присутствуют все основные пасхальные мотивы: поиска пути, искупительной жертвы, всеобщей любви, покаяния, милосердия, страданий, моления, бессмертия, предательства, отречения.

В святую и Великую Пятницу церковь вспоминает смерть Иисуса Христа на кресте. На середину Церкви выносят Святую Плащаницу — икону, на которой изображён Иисус Христос в гробу. В пятницу вечером на Страстной неделе совершается служба, на которой святую Плащаницу обносят вокруг храма. Эти пасхальные события воспроизводятся в стихотворении Б.Пастернака «На Страстной»:

*И видят свет у царских врат,
И чёрный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица —
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей... [3; 388].*

В Великую Субботу, ровно в полночь, перед днём Пасхи, служат заутреню. Торжественный крестный ход выходит из храма и обходит его кругом. Священник начинает петь радостную пасхальную

песнь: «Христос воскрес, из мертвых смерть поправ, и сущим во гробех живот даровах», т.е. Христос воскрес из мертвых, победив своею смертью смерть и дав жизнь тем, которые были во гробах [3; 15].

*И шествие обходит двор
По краю тротуара...
И пенье длится до зари,
И, надорвавшись вдосталь,
Доходят тише изнутри
На пустыре под фонари
Псалтырь или Апостол [3; 388].*

Затем наступает Светлое Христово Воскресение — Праздник Праздников, Пасха, который несёт сопряжение личного и общественного в преодолении смерти, утверждение духовного над материальным, торжества «незримого» над «грубой» действительностью. Это же понимание праздника выразил Борис Пастернак в своих евангельских стихах из цикла «Стихотворения Юрия Живаго», которые пронизаны единой темой — «темой добровольной неотвратимости крестного пути как залога бессмертия жизни, идущей путем страданий»: *Смерть можно побороть / Усиьем Воскресенья.*

В пасхальном цикле Пастернака выполняется закон движения от внутриобрядовой стороны великого праздника к глубокому личностному внутреннему пробуждению — чуду, которое совершается в сфере духа. Мотивы страстей Христа, пересказ евангельских легенд, образы Иисуса, Марии Магдалины, Иуды и т.д. — это только одна сторона пасхальной лирики Пастернака, другая — личное переживание, преображение, духовный итог Светлого Воскресения в жизни человека.

Ещё один из поэтов, использующий в своих произведениях символику календарных праздников, — Владимир Набоков. Календарная проза Набокова известна широкому кругу читателей («Рождество», «Весна в Фиальте» и др.), чего нельзя сказать о календарной лирике поэта, которая в сознании читателей представлена как календарный несобранный цикл. В связи с этим представляется интересным рассмотреть календарные тексты, связанные концептом праздника Пасхи, в поэзии В. Набокова.

В несобранном праздничном цикле Набокова выделяется ряд стихотворений, ориентированных на праздник Пасхи: *а сегодня / сияет влажный мир, грядет весна Господня, / растет, зовет...* («Пасха»); *Лазурь торжественная ночи / текла над городом, и там, / как чудо, плавал купол смуглый, / и гул тяжелый, гул округлый / восходил к пасхальным высотам!* («Весна») [4]. Психологически Пасха связана с моментом духовного пробуждения для жизни. Воскресение из мертвых Иисуса Христа совершается как путь от страдания к радости (недаром само слово «пасхин» — страдать). «В Пасхе сливаются восхищение вечным водоворотом жизни, красотой мира божьего и постижение духовного бессмертия святыни — Любви, Добра, Истины, утверждение идеала «нетленной» духовной красоты»: *Воскреснет Божий Сын, сияньем окружен; / у гроба, в третий день, виденье встретит жен, / вотще купивших ароматы; / светящуюся плоть оцупает Фома, / от веянья чудес земля сойдет с ума* («Мать») [4].

В пасхальных стихотворениях Набокова возникает традиционный образ Храма, в котором в пасхальную ночь проходят церковные службы: *как в ночь пасхальную огни / свеч, наклонившихся во храме* («Херувимы»); *Пыланье свеч то выявит морщины, / В звездах шумят древесные вершины, / и замирает крестный ход. / Со мною ждет ночь темно-голубая, / и вот, из мрака, церковь огибая, / пасхальный вопль опять растет* («Молитва») [4]. Мотив церковной службы в ночь на светлый праздник предстает как порыв величайшего подъема человеческого духа от смерти к бессмертию: *Но если все ручки о чуде вновь запели, / но если перезвон и золото капели / не ослепительная ложь, / а трепетный призыв, сладчайшее «воскресни», / великое «цвети», тогда ты в этой песне, / ты в этом блеске, ты живешь!* («Пасха») [4]. Этот традиционный мотив пасхальных переживаний, сопрягающих личное и вечное, глубоко характерен для пасхальной лирики в целом (А.Майков, Я.Полонский, А. Пушкин, С. Есенин, Б.Пастернак).

Пасхальные дни — это не только праздник Воскресения Христова, вера в чудо, равная вере в Бога, но и Страстная неделя, на которой ежегодно вспоминают о мученических страданиях и смерти Иисуса Христа на кресте: *Смеркается. Казнен. С Голгофы отвалив, / спускается толпа, вياء между олив, / подобно медленному змию* («Мать») [4].

Набоковское стихотворение «Верба» посвящено наступлению весны и картинам оживающей весной природы. В нём поэт передаёт праздничную атмосферу и настроение Вербного воскресения: *«Колоколов напев узорный, / волненье мартовского дня... / и пестрота, и толкотня, / и ветер с влажными устами, / и почек вербных жемчуга, / и облака над куполами, / как лучезарные снега...»* («Верба») [4]. В этом тексте представлены и традиционный для вербной поэзии хронотоп «вербного базара», и растительный символ — образ вербы, соотносимый в календарно-временном плане с весной в целом.

В календарных пасхальных стихотворениях В.Набокова можно выделить целый комплекс мифопоэтических праздничных архетипов, мотивов и образов. В пасхальных текстах Набокова в соответствии с мировоззрением самого поэта и его поэтическим мышлением воссоздаются традиционные календарные концепты, ориентированные на русскую православную культуру.

Таким образом, выделим признаки пасхального произведения:

- приуроченность к комплексу пасхальных праздников;
- система пасхальных образов: Христа, Праведника, Грешника, Храма, пасхального херувима (ребёнка), Марии Магдалины, Иуды, апостолов;
- основные пасхальные мотивы: поиски пути, путь к Храму, чудо перерождения (возрождения, пробуждения), искупительная жертва, церковная служба, всеобщая любовь, покаяние, милосердие, страдания (страсти, Страстная седмица), крест, дар, моление, бессмертие, раскаяние, блудный сын, предательство, отречение и др.;
- духовное перерождение лирического героя;
- постоянные символы и детали: священные огонь и вода, колокольный звон, подарки (яйцо, кулич, пасхальный херувим), верба, терновый венец, крест, восходящая в небо лестница;
- цветовая символика: сочетание золотого с красным или голубым, противопоставление чёрному.

Пасхальные произведения являются особыми текстами с индивидуальным характером, проявляющимся в их внутренней структуре. Одним из основных элементов пасхальных лирических произведений выступает праздничный хронотоп, в соответствии с которым лирическое содержание текста приурочено к пасхальному праздничному циклу.

Примечательно, что, создавая пасхальный цикл, Б.Л.Пастернак использует в «Стихотворениях Юрия Живаго» идею природного круговорота, объединяя её с идеей круга церковного календаря. «Живаговский» цикл движется не только от весны к весне, но и от Пасхи к Пасхе.

Академик Д.С.Лихачев, делая выводы о «вечности» художественного времени, замечает: «Христианские праздники — это не только память о событиях священной истории, о святых и пр. События вновь и вновь совершаются ежегодно в одно и то же время. Они не исчезли, они существуют в вечном мире и продолжают существовать во вневременном, повторяясь в христианском календаре... Праздник выступает в своей вечной сущности, имеющей вневременные последствия для всего человеческого рода, в своей календарной повторяемости и как воспоминание о событии, совершившемся в прошлом».

Календарный праздник Пасхи становится в поэзии Бориса Пастернака и Владимира Набокова одним из важнейших циклообразующих факторов, выступающим основой для утверждения новой целостности — авторского (Пастернака) и «несобранного» календарного цикла (Набокова). В циклах обоих поэтов праздник выступает связующим звеном, циклообразующим концептом между текстом цикла и внетекстовой реальностью, в которой читатель воспринимает отдельные тексты как единое, целостное — пасхальный цикл.

Список литературы

1. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. — 256 с.
2. Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века. — М.; Ярославль: Изд-во «Литера», 2004. — 360 с.
3. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. — М.: Книжная палата, 1989. — 428 с.
4. Набоков В.В. (В.Сирин). Собрание сочинений. — М.: Изд-во «Диля», 2007. — 1152 с.